

Переводы и комментарии

От редакции

Под влиянием событий 2014 г. в отношениях между Россией и Украиной Э.Ю. Соловьев поставил проблему разработки контридеологической аналитики¹. В марте 2015 г. в Южном федеральном университете была проведена всероссийская конференция, на которой обсуждался эвристический потенциал политической теории Ханны Арендт для обсуждения указанной проблемы². Публикуемая здесь работа Ханны Арендт позволяет продолжить обсуждение.

В.П. Макаренко

ЛОЖЬ В ПОЛИТИКЕ: РАЗМЫШЛЕНИЯ О ДОКУМЕНТАХ ПЕНТАГОНА

Ханна Арендт

Образ величайшей сверхдержавы мира, которая еженедельно убивает или тяжело ранит тысячи мирных жителей, и при этом пытается принудить к согласию крошечную отсталую нацию по вопросу, правота которого горячо оспаривается, не вызывает восхищения.

Роберт С. Макнамара

I

Документы Пентагона – сорок семь томов «Истории принятия решений США о политике в отношении Вьетнама» – представляют собой сверхсекретный, тщательно документированный отчёт о роли Америки в Индокитае в период от конца Второй мировой войны до мая 1958 года. Инициированное министром обороны США Робертом С. Макнамарой в июне 1967 года, создание этих документов заняло полтора года, хотя об их существовании стало известно только в 1971 году после публикации в газете *The New York Times*. Некоторые утверждают, что лишь это событие внесло ясность в то, что война во Вьетнаме есть «логический» итог холодной войны или антикоммунистической идеологии. Для других этот отчёт стал уникальной возможностью получить представление о процессах принятия решений

¹ См.: *Философия и идеология: от Маркса до постмодерна*. Отв. ред. А.А. Гусейнов, А.В. Рубцов, сост. А.В. Рубцов. – М.: Прогресс-Традиция, 2018; *Философские поколения / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая*. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. – 1232 с., ил.

² См.: *Интеллектуальная тревога: проблема лжи и цинизма в политике*. Отв. ред. В.П. Макаренко. – Ростов-на-Дону: издательство Южного федерального университета, 2015.

в американском правительстве. Документы приоткрывали занавес над различными событиями и предлагали разным читателям разные уроки, однако, по признанию большинства, ложь была основным вопросом, заключённым в этих томах. Во всяком случае стало ясно, что обман занимал важное место в умах тех, кто подготовил указанные документы для издательства *The New York Times*, и, вероятно, он волновал также группу авторов данного исследования³. Общеизвестная брешь в доверии к правительству, существовавшая на протяжении шести долгих лет, внезапно превратилась в бездну. Зыбкие пески всевозможных лживых заявлений, обмана и самообмана могут поглотить любого читателя, у кого возникнет желание изучить этот материал, который, к сожалению, должен быть признан «инфраструктурой» внешней и внутренней политики Соединенных Штатов на протяжении десятилетий.

По причине невероятных масштабов лжи в политике, проявлявшейся на самом высоком правительственном уровне, а также сопутствующей ей степени распространения лжи на всех уровнях государственных служащих, как военных, так и гражданских (например, фальсифицированные числа потерь убитыми в рамках миссий по «поиску и уничтожению»; фальсифицированные отчёты военно-воздушных сил о понесённом ущербе [Stavins, Barnett, Raskin 1971: 185–187]; отчёты о «прогнесе», составленные подчинёнными для Вашингтона, знавшими, что эффективность их службы будет оцениваться на основе этих же докладов [Ellsberg 1971: 262–263; Gelb: 1971b 153]), – нетрудно поддаться искушению забыть свидетельства прошлой истории, не имеющей никакого отношения к рассказу о безупречной добродетели, на фоне которой мы должны рассматривать и оценивать этот новейший эпизод.

Секретность – то есть, то, что на дипломатическом языке называется «благоразумием», а также государственными тайнами (*arcana imperii*) – и связанные с ней обман, преднамеренная неправда и открытая ложь, используемые в качестве законных средств достижения политических целей, существовали с самого начала писанной истории. Истина никогда не входила в состав политических добродетелей, а ложь всегда считалась оправданным средством в сфере политики. Для тех, кто размышляет об этой проблеме, может показаться удивительным тот факт, сколь мало внимания в нашей традиции философской и политической мысли уделяется её важности для характера действий, с одной стороны, а с другой – для природы нашей способности отрицать в мыслях и на словах все то, что имело место на самом деле. Эта активная, агрессивная способность резко отличается от нашей пассивной подверженности становиться жертвой ошибок, иллюзий, искажений памяти и всего того, что может быть виной недостатков нашего аппарата чувств и ума.

Специфика человеческого действия состоит в том, что оно всегда начинается нечто новое, однако это не значит, что человеку всегда позволено начинать все с самого начала (*ab ovo*) и создавать из ничего (*ex nihilo*). Чтобы освободить место для собственного действия, необходимо удалить или разрушить то, что было раньше, и изменить то, как было прежде. Подобные изменения были бы невозможны, если бы мы были не в состоянии мысленно абстрагироваться от места нашего физического пребывания и *вообразить*⁴, что вещи могут весьма отличаться от того, чем они являются на самом деле. Иными словами, сознательное отрицание истины факта – и способность лгать, возможность изменять факты и способность действовать – взаимосвязаны. Своим существованием они обязаны одному и тому же источнику – воображению. Однако *утверждать*, что светит солнце, когда на самом деле идёт дождь, не имеет никакого отношения к разуму (утрата этой способности возникает вследствие определённых травм мозга). Скорее, оно указывает на то, что мы хоро-

³ По словам Лесли Х. Гелба, руководителя группы: «Главным, конечно, является вопрос о доверии к правительству» [Gelb 1971a: 34–36].

⁴ Курсив этого и всех последующих слов и выражений указан согласно оригинальному тексту (Прим. переводчика).

шо приспособлены к миру как чувственно, так и ментально, но мы не подогнаны и не встроены в него как одна из его неотъемлемых частей. Мы *вольны* менять мир и начинать в нем что-то новое. Без ментальной свободы отрицать или подтверждать существование, говорить «да» или «нет» не только в отношении утверждений или предложений, чтобы выразить согласие или несогласие, но и по отношению к вещам как они представляются нашим органам восприятия и познания независимо от согласия или несогласия, никакое действие не было бы возможно. Более того, действия образуют именно ту материю, из которой состоит политика⁵.

Поэтому, когда мы говорим о лжи, и особенно о лжи в среде действующих лиц, необходимо помнить, что ложь не проникла в политику по какой-то случайности греховной человеческой природы. Моральное возмущение вряд ли заставит ложь исчезнуть лишь по этой причине. Преднамеренная ложь имеет дело со *случайными* фактами, то есть с вопросами, которые исключают врождённую истину в себе и отрицают необходимость быть такими, какие они есть на самом деле. Истины факта никогда не бывают убедительно истинными. Историк знает, насколько уязвима вся текстура фактов, в которой мы проводим нашу повседневную жизнь; она всегда рискует быть пронизанной ложью индивидов или разорванной в клочья организованной ложью групп, наций или классов, а также отрицаниями или извращениями, часто тщательно прикрытыми нагромождениями лжи или просто преданными забвению. Ради обретения надёжности в сфере человеческих дел фактам требуются доказательства и заслуживающие доверия свидетели: первые, чтобы их запомнить, вторые – установить. Отсюда следует, что никакое утверждение о фактах никогда не может быть несомненным – столь же надёжным и защищённым от нападков, как, например, утверждение: дважды два – четыре.

Именно эта хрупкость делает ложь столь простой и такой соблазнительной *до определённого момента*. Ложь никогда не противоречит разуму, потому что всё действительно могло быть так, как говорит лжец. Ложь часто гораздо более правдоподобна, более привлекательна для разума, чем реальность, поскольку лжец имеет огромное преимущество, зная заранее, что публика желает или ожидает услышать. Он готовит свой рассказ для всеобщего потребления с целью сделать его правдоподобным, тогда как реальность несёт в себе сбивающую с толку привычку сталкивать нас с неожиданностями, к которым мы не были готовы.

При нормальных обстоятельствах лжец подавлен реальностью, которую заменить невозможно; сколь бы широкую ткань лжи ни «сплёл» опытный лжец (даже подключив в дело вычислительные системы), она никогда не будет настолько большой, чтобы охватить всю необъятную реальность. Лжец, которому может сойти с рук любая единичная неправда, не сможет в принципе избежать ответственности за ложь. Таков один из уроков, который можно извлечь из тоталитарных экспериментов, а также из отталкивающей уверенности тоталитарных правителей в силу их лжи: например, в собственную способность заново переписывать историю, чтобы приспособить прошлое к «политической линии» настоящего момента или чтобы исключить данные, не соответствующие их идеологии. Тем самым в социалистической экономике такие правители могли бы отрицать существование безработицы, а безработный стал бы для них просто «недочеловеком».

Результаты подобных экспериментов, которые проводятся индивидами, обладающими средствами насилия, крайне ужасны, но постоянной лжи в них нет. Рано или поздно наступит момент, после которого ложь становится контрпродуктивной. Эта точка достигается тогда, когда аудитория, которой адресована ложь, вынуждена ради выживания полностью игнорировать отличительную грань между истиной и ложью. Различие между истиной и ложью исчезает, если ваша жизнь зависит от вашего действия, как если бы именно оно было

⁵ Более общие соображения об отношениях между истиной и политикой см. «Истина и политика» в книге Арендт Х. Между прошлым и будущим: восемь упражнений в политической мысли. – Пер. с англ. и нем. Д. Аронсона. – М.: Изд-во института Гайдара. – 416 с.

истиной. Более того, истина, которой можно доверять, полностью исчезает из общественной жизни, а вместе с ней рушится и главный стабилизирующий фактор в постоянно меняющихся делах людей.

К многочисленным видам искусства лжи, возникшим в прошлом, необходимо добавить ещё два более современных вида. *Первый* – это, на первый взгляд, безобидная ложь правительственных менеджеров по связям с общественностью, которые научились своему ремеслу по прототипу Мэдисон-авеню. В этом случае связь с общественностью есть не что иное, как разновидность рекламы; она берет своё начало в обществе потребителей с его неумеренным аппетитом к товарам, подлежащим распределению с помощью рыночной экономики. Проблема менталитета менеджера по связям с общественностью сводится к тому, что он имеет дело исключительно с мнениями и «доброй волей» – готовностью покупать, то есть чья реальная действительность сводится к минимуму в нематериальном плане. Таким образом, его воображению действительно может показаться, что небо есть предел, поскольку ему не хватает политической власти для того, чтобы действовать, «создавать» факты, а, следовательно, и той простой повседневной реальности, которая устанавливает границы власти и переносит силы воображения на землю.

Единственный предел действиям специалиста по связям с общественностью возникает тогда, когда он обнаруживает, что те же самые люди, которыми можно «манипулировать» (скажем, при покупке определённого сорта мыла), не поддаются манипуляции, когда их принуждают «поверить» мнениям и политическим взглядам, хотя их можно заставить поверить посредством устрашения. Например, психологическая предпосылка манипуляции людьми стала одним из главных товаров, продаваемых на рынке общепринятых и научных мнений. Однако подобные доктрины не меняют того способа, посредством которого люди формируют свои мнения, и не мешают им действовать в соответствии со своими собственными представлениями. Единственный метод, который не позволяет страху оказывать реальное влияние на их поведение, – старый метод кнута и пряника. Неудивительно, что поколение интеллектуалов, которое выросло в иррациональной атмосфере необузданной рекламы и привыкло к тому, что политика есть «создание образов», или имиджмейкинг, а также искусство заставлять людей поверить в эти образы, вынуждено почти сразу переключаться на метод кнута и пряника каждый раз, когда ситуация становится слишком серьёзной для необоснованных предположений. Для них наибольшим разочарованием во вьетнамской авантюре должно было стать открытие того, что есть ещё люди, с которыми этот метод тоже не работает.

(Как ни странно, единственным человеком, кто мог бы стать идеальной жертвой абсолютной манипуляции, является президент Соединённых Штатов. Ввиду колоссальных объёмов работы ему приходится окружать себя советниками или, по словам Ричарда Дж. Барнета, «менеджерами национальной безопасности», «осуществляющими свою власть главным образом путём фильтрации поступающей президенту информации и интерпретации для него внешнего мира» [Stavins, Barnet, Raskin 1971: 199]. На это можно возразить, что президент, который кажется самым могущественным человеком в самой могущественной стране, на деле является единственным человеком в Америке, чей диапазон выбора может быть предопределён. Разумеется, это может произойти только тогда, когда исполнительная власть прекратит взаимодействие с законодательной властью Конгресса. Таков логический исход в системе правления Америки, когда Сенат лишён или неохотно осуществляет свои полномочия по участию и консультациям в сфере проведения внешней политики. Как стало известно, одна из функций Сената состоит в защите процесса принятия решений от преходящих настроений и тенденций общества в целом – в данном случае от произвола нашего потребительского общества и угождающих ему менеджеров по связям с общественностью.)

Вторая новая разновидность искусства лжи, хотя она реже встречается в повседневной жизни, играет более важную роль в документах Пентагона. Этот тип лжи привлекателен для «наиболее достойных» людей, например, для тех, кого можно встретить на высших уровнях гражданской службы. По удачному выражению Нила Шихана, это профессиональные «решалы проблем»⁶ [Sheehan 1971: xiv], привлечённые в правительство из университетов и различных аналитических центров. Некоторые из них хорошо владели теориями игр и системным анализом, и тем самым, как им казалось, были подготовлены к решению всех «проблем» внешней политики. К этой же группе, которая состоит из восемнадцати военных офицеров и восемнадцати гражданских лиц из аналитических центров, университетов и государственных служб, принадлежит значительное число авторов исследования Макнамары. Безусловно, это «не стая голубей» – лишь «горстка раскритиковала действия США» во Вьетнаме [Gelb 1971a: 34–36] – и тем не менее именно им мы обязаны этим правдивым, хотя, конечно, и не полным рассказом о том, что же произошло внутри государственного аппарата.

«Решалы» проблем отличаются большой самоуверенностью и «редко сомневаются в своей способности победить». Они работали вместе с военнослужащими, которые, как свидетельствует история, были «людьми, привыкшими побеждать» [Sheehan 1971: xiv]. «Мы не должны забывать, что мы многим обязаны их стремлению к беспристрастному самоанализу, редкому качеству среди людей такого рода, и что попытки акторов скрыть свою роль за ширмой самозащитной секретности (по крайней мере, до тех пор, пока они не закончили свои мемуары – самый лживый жанр литературы прошлого века) не увенчались успехом. Принципиальная честность тех, кто написал отчёт, не вызывает сомнений. Секретарь Макнамара мог бы и вправду доверить им подготовку «энциклопедического и объективного» отчёта, а самому «предаться пассивному ожиданию» [Gelb 1971a: 34–36].

Однако эти достойные восхищения нравственные качества явно не помешали указанному кругу людей на протяжении многих лет участвовать в игре множества видов лжи и обмана. Уверенные в «своём положении, образовании и достижениях» [Sheehan 1971: xiv], возможно, они лгали по причине ложного патриотизма. Но суть в том, что они лгали не столько ради своей страны и, конечно, не ради её выживания, которое никогда не ставилось на карту, сколько ради её «имиджа». Несмотря на бесспорность их интеллекта, демонстрируемый во множестве служебных записок, вышедших из-под их пера, они также были убеждены, что политика есть не что иное, как разновидность общественных отношений, и были включены в неё всеми причудливыми психологическими предпосылками, которые образуют основу этой веры.

И все же они явно отличались от обычных имиджмейкеров: помимо всего прочего они решали проблемы. Значит, они были не только умны, но и гордились собственной «рациональностью». Они действительно были в довольно пугающей мере выше любых «сантиментов» и любили «теорию» – мир чисто умственных усилий. Они стремились найти формулы, выраженные обычно на псевдоматематическом языке, которые объединяли бы совершенно несопоставимые явления, с которыми их сталкивала действительность; стремились раскрыть *законы*, следуя которым можно было объяснить и предсказать политические и исторические факты, казалось бы, столь же необходимые и, само собой, достоверные, как в прошлые времена физикам казались природные явления.

В отличие от естествоиспытателя, который изучает естественные проблемы природы, независимо от их происхождения, и которые, следовательно, можно наблюдать, понимать и со временем даже изменять только посредством самого тщательного следования фактам и данным реальности, историк, подобно политику, изучает дела людей, которые обязаны

⁶ Данное эссе было подготовлено до появления изданий, опубликованных государственной типографией и *Beacon Press*, и поэтому основано только на издании *Bantam*.

своим существованием способности человека к действию, то есть относительной свободе человека от влияния вещей. Действующий человек, будучи действующим в той мере, в какой он чувствует себя хозяином собственного будущего, будет всегда испытывать искушение сделаться также хозяином прошлого. По причине желания действовать, а также любви к теориям, у него вряд ли хватит терпения естествоиспытателя ждать, пока теории и гипотетические объяснения не будут проверены или опровергнуты фактами. Вместо этого возникнет искушение подогнать реальность под теорию, которая, в конечном счёте, была создана человеком и, следовательно, могла быть другой, и тем самым мысленно избавиться от ее обескураживающей *случайности*.

Неприятие разумом случайности измерить трудно. Не кто иной, как Гегель – отец грандиозных исторических схем, считал, что «философское созерцание не имеет никакого иного намерения, кроме устранения случайного» [Hegel 1830: 29]. Действительно, большая часть современного арсенала политической теории коренится в этом глубоко затаённом неприятии, которое воплощено в теории игр и системном анализе, сценариях, написанных для воображаемых «публик», и тщательном перечислении, как правило, трёх «вариантов» А, В и С, где А и С представляют противоположные крайности, а В – «логическое» промежуточное «решение» проблемы. Ошибочность такого мышления начинается с преобразования выбора во взаимоисключающие дилеммы. Тогда как реальность никогда не ставит нас перед чем-то столь же определённым, как предпосылки для логических выводов. Такой тип мышления, который представляет А, и С нежелательными, и поэтому останавливается на В, вряд ли служит какой-либо иной цели, кроме отвлечения ума и притупления суждения о множестве реальных возможностей. Указанные «решалы» проблем и приземлённые лжецы объединяются общей чертой – попыткой избавиться от фактов и уверенность в том, что это возможно в силу естественной случайности фактов.

Истина в том, что такого состояния невозможно достичь ни с помощью теории, ни посредством манипуляции мнением, как будто бы дело обстоит так, что если в данный факт перестанут верить достаточное число людей, то он моментально исчезнет из мира. Этого можно добиться только путём радикальной ликвидации, как в случае с убийцей, который *говорит*, что миссис Смит умерла, а затем идёт и убивает её. В сфере политики такое устранение должно быть массовым. Нет нужды говорить, что подобной воли к массовым ликвидациям не существовало ранее ни на одном правительственном уровне, несмотря на ужасающее число военных преступлений, совершенных в ходе войны во Вьетнаме. Но даже там, где эта воля присутствует, как это было в случае Гитлера и Сталина, власть для достижения такого состояния должна была бы равняться всемогуществу. Например, для того чтобы исключить роль Троцкого из истории Русской революции, недостаточно было убить его и вычеркнуть его имя из всех российских хроник до тех пор, пока нельзя убить всех его современников и заполучить власть над библиотеками и архивами всех стран мира.

II

То, что главной темой документов Пентагона стало сокрытие, ложь и роль преднамеренной лжи, а не иллюзия, ошибка, просчёт и тому подобное, объясняется главным образом тем странным фактом, что ошибочные решения и лживые утверждения последовательно разрушали весьма точные фактические отчёты разведывательного сообщества, по крайней мере, как это указано в издании *Bantam*. Ключевой момент здесь заключается не только в том, что политика лжи почти никогда не была направлена против врага (это одна из причин того, что газеты не раскрывают никаких военных тайн, подпадающих под действие Закона о шпионаже), но была предназначена преимущественно, если не исключительно, для внутреннего ис-

пользования, для пропаганды внутри страны и для обмана Конгресса. Инцидент в Тонкине, когда врагу были известны все факты, а Комитету Сената по иностранным делам ни одного, служит показательным тому примером.

Ещё более интересно то, что почти все решения в этой катастрофической инициативе принимались с полным осознанием маловероятности их осуществления, поэтому цели приходилось постоянно менять. Во-первых, к ним относятся публично провозглашённые цели, такие как «удостоверить, что народу Южного Вьетнама позволено определять своё будущее», или «помочь стране победить в борьбе против... коммунистического заговора», сдерживание Китая и избежание эффекта домино или защита репутации Америки «как гаранта контрподрывной деятельности» [Sheehan 1971: 190]. К этому списку Дин Раск добавил ещё одну цель: предотвратить Третью мировую войну, хотя она, похоже, не фигурирует в документах Пентагона и, насколько известно, не играет роли в фактических материалах. Аналогичная гибкость характерна и для тактических соображений – Северный Вьетнам подвергается бомбардировкам, чтобы предотвратить «крах морального духа нации» [Ibid.: 312] на Юге и, в частности, падение правительства Сайгона. Но когда должны были начаться первые налёты, правительство распалось, «в Сайгоне царил паника», налёты пришлось отложить и найти новую цель. [Ibid.: 392]. Теперь задача состояла в том, чтобы заставить «Ханой остановить Вьетконг и Патет Лао», цель, которую даже Объединённый комитет начальников штабов не надеялся достичь. Как они выразились, «было бы бесполезно заключать, что эти усилия окажут решающее воздействие» [Ibid.: 240].

С 1965 г. понятие однозначной победы отошло на второй план, и целью стало «убедить противника в том, что *он* не может победить». Поскольку противник оставался при своём мнении, возникла следующая цель: «избежать унижительного поражения», как будто признаком поражения в войне было простое унижение. Документы Пентагона сообщают о навязчивом страхе перед последствиями поражения не ради благосостояния нации, а «для *репутации* Соединённых Штатов и их президента». Таким образом, незадолго до этого, во время многочисленных дебатов относительно целесообразности использования сухопутных войск против Северного Вьетнама, доминирующим аргументом был не страх самого поражения и беспокойство о благополучии войск в случае их вывода, а: «Едва войска США войдут в страну, их будет трудно вывести... без *признания* поражения» [Ibid.: 437]. И наконец, была поставлена «политическая цель»: «показать миру, на что готовы пойти Соединённые Штаты ради союзника», и «выполнить взятые на себя обязательства [Ibid.: 434, 436].

Все эти цели сосуществовали почти без всякой связи, отменять предшествующие не разрешалось никому. Каждая из них была ориентирована на свою «аудиторию», и для каждой из них необходимо было разработать отдельный «сценарий». Часто цитируемое перечисление целей США Джона Т. Макнотона в 1965 году: «70 % – избежать унижительного поражения США (нашей репутации гаранта); 20 % – удержать территорию Южного Вьетнама (и прилегающую к ней зону) от захвата Китая; 10 % – позволить людям Южного Вьетнама наслаждаться лучшим, более свободным образом жизни» [Ibid.: 432], отличается своей честностью, но, вероятно, было составлено для внесения некоторого порядка и ясности в дебаты по постоянно щекотливому и вездесущему вопросу о том, по какой причине велась война во Вьетнаме. В предыдущем проекте меморандума (1964 г.) Макнотон показал, возможно, произвольно, как мало он сам, даже на той ранней стадии кровавой игры, верил в достижение любых существенных целей: «Если Южный Вьетнам полностью распадётся под нашей властью, мы должны постараться удержать его в своих руках достаточно долго, чтобы иметь возможность эвакуировать наши силы и *убедить мир* признать уникальность (и конгениальную невозможность) южновьетнамского случая» [Ibid.: 368].

«Убедить мир», «продемонстрировать, что США были «хорошим наставником», готовым сдерживать обещания, быть жёстким, идти на риск, проливать кровь и сильно ранить врага» [Ibid.: 255]; использовать «крошечную отсталую нацию», лишённую какого-либо стратегического значения, «в качестве *показательного примера* способности США оказать помощь стране в развязывании коммунистической освободительной войны» [Ibid.: 278]; сохранить в неприкосновенности образ всемогущества, «всемирную позицию лидерства» [Ibid.: 600]; продемонстрировать «волю и способность Соединённых Штатов добиваться своего в международных делах» [Ibid.: 255]; продемонстрировать «надёжность обещаний друзьям и союзникам» [Ibid.: 600]; короче говоря, «*вести себя*» как «величайшая мировая держава» только для того, чтобы убедить мир в этом «простом факте» (по словам Уолта Ростоу) [Ibid.: 256] – все это являлось единственной постоянной целью, которая с приходом администрации Джонсона оттеснила на задний план все другие цели и теории, теорию домино и антикоммунистическую стратегию начальных этапов периода холодной войны, а также стратегию борьбы с повстанцами, столь важную для администрации Кеннеди.

Конечной целью была не власть и не прибыль. Она не заключалась даже во всемирном влиянии – обслуживании частных, материальных интересов, ради которых был необходим и целенаправленно использовался престиж, образ «величайшей мировой державы». В итоге целью стал имидж как таковой. Это проявляется в самом стиле «решал» проблем с их вымышленными «сценариями» и «аудиториями». Для достижения этой конечной цели любая политика становилась краткосрочным взаимозаменяемым средством до тех пор, пока, наконец, с появлением всех признаков поражения в изнурительной войне, главной целью стало не избежание унижительного поражения, а поиск путей и средств избежать его признания и «сохранить лицо».

Имиджмейкинг как глобальная политика – не завоевание мира, а победа в битве за «завоевание умов людей» – действительно нечто новое в огромном арсенале средств человеческого безумия, зафиксированных в истории. Он был предпринят не третьесортной нацией, готовой всегда похвастать, чтобы компенсировать реальное положение вещей, или одной из старых колониальных держав, утративших свои позиции в результате Второй мировой войны и, возможно, испытавших соблазн, как это было у де Голля, обманывать ради превосходства, но «доминирующей державой» в конце войны. Возможно, для избранных должностных лиц, которые столь многим обязаны или *считают*, что они обязаны руководителям своих избирательных кампаний, естественно думать, что манипуляция является правителем разума народа, и, следовательно, истинным правителем мира. (Слух, распространенный в разделе «Заметки и комментарии» издания *The New Yorker* о том, что «администрация Никсон-Агню планировала кампанию, организованную и руководимую Хербом Кляйном, директором кампании по связям с общественностью, чтобы подорвать доверие к прессе перед президентскими выборами 1972 года», вполне соответствует этому менталитету общественных отношений) [Sheehan 1971].

Что поражает, – так это рвение тех десятков «интеллектуалов», которые предложили свою рьяную помощь в этой воображаемой инициативе, возможно, потому, что они были очарованы тем огромным интеллектуальным трудом, которых она, казалось, потребует. Опять таки, может быть вполне естественным то, что «решалы» проблем, обученные переводить все возможное фактическое содержание на язык чисел и процентных показателей, могут не осознавать невыразимые страдания, которые их «решения» – программы умиротворения и переселения, дефолиация, напалм и противопехотные пули – уготовили для «друга», который нуждается в «спасении», и для «врага», у которого не было ни воли, ни сил быть таковым до того, как на него напали. Но поскольку они имели дело с умами людей, удивительно, что никто из них, скорее всего, не почувствовал, что «мир» может быть перепу-

ган американской дружбой и обязательствами, когда был «показан» и рассчитан «размах, на какой США готовы пойти, чтобы их выполнить» [Ibid.: 436]. НИКАКАЯ реальность и никакой здравый смысл не могли проникнуть в умы тех, кто решал проблемы⁷ и без усталости готовил свои сценарии для «соответствующих аудиторий», ради того, чтобы изменить их мышление: «Коммунисты, которые должны чувствовать сильное давление; южновьетнамцы, чей моральный дух должен быть поднят; наши союзники, которые должны доверять нам как «гарантам» и общественность США, которая должна поддерживать рискованные действия жизнью и престижем США» [Ibid.: 438].

Сегодня нам известно, насколько ложной была оценка всех указанных аудиторий. По словам Ричарда Дж. Барнета, высказанным в его замечательном эссе из книги *«Вашингтон планирует агрессивную войну»*, «война стала катастрофой, потому что менеджеры национальной безопасности недооценили каждую из указанных аудиторий» [Stavins, Barnett, Raskin 1971: 209]. Но самое грандиозное и даже главное заблуждение заключалось в использовании военных средств при обращении к аудитории, а также решение военных вопросов с «точки зрения политики и связей с общественностью» (где «политический» компонент означал перспективу следующих президентских выборов, а «связи с общественностью» – мировой имидж США), в том числе принятие во внимание не реальных рисков, а «методов сведения к минимуму последствий плохих итогов». Среди предложений в отношении последнего было рекомендовано создание «диверсионных ‘вторжений’ в другие части мира» наряду с запуском «Программы по борьбе с бедностью для слаборазвитых районов» [Sheehan 1971: 438]. Макнотону, автору этого меморандума, который, несомненно, был необычайно умным человеком, даже на мгновение не осенило, что его отвлекающие манёвры, в отличие от театральных, имели бы серьёзные и совершенно непредсказуемые последствия – они изменили бы сам мир, в котором действовали и вели свою войну США.

Именно этот отрыв от реальности будет преследовать читателя пентагоновских документов при терпеливом чтении их до конца. Барнет в упомянутом выше эссе говорит по этому поводу следующее: «Бюрократическая модель полностью вытеснила реальность: непроверяемые и упрямые факты, за сбор которых аналитикам разведки заплатили круглую сумму, были проигнорированы» [Ibid.: 24]. Нельзя полагать, что пороки бюрократии являются достаточным объяснением этому, хотя они и способствовали указанной дефактуализации. Во всяком случае, связь или, вернее, отсутствие связи между фактами и решениями, между разведывательным сообществом, гражданскими и военными службами является, пожалуй, наиболее важным и, безусловно, наиболее надёжно охраняемым секретом, который раскрыли документы Пентагона.

Интересно было бы узнать, что же позволило разведывательным службам оставаться наиболее близкими к реальности в атмосфере, аналогичной ситуации «Алисы в стране чудес», которую газеты приписывают к странным операциям сайгонского правительства, но которая в ретроспективе более точно описывает дефактуализированный мир, в котором ставились политические цели и принимались военные решения. В начале роль разведывательных служб в Юго-Восточной Азии была далеко не многообещающей. Ранее в *«Документах Пентагона»* было указано решение начать «тайную войну» в первые годы правления администрации Эйзенхауэра, когда исполнительная власть всё ещё считала, что ей нужны полномочия Конгресса, чтобы начать войну. Эйзенхауэр был достаточно старомоден для того, чтобы верить в Конституцию. Он встретился с лидерами Конгресса и отказался от открытого вмешательства, поскольку ему сообщили, что Конгресс не поддержит такое решение [Ibid.: 5, 11]. Позже, начиная с администрации Кеннеди, когда обсуждалась «открытая война», то есть

⁷ По словам Лесли Х. Гелб, «Сообщество внешней политики стало домом без окон» [Gelb 1971a: 34–36].

отправка «боевых отрядов», «вопрос о полномочиях Конгресса на открытые военные действия против суверенной нации никогда серьезно не ставился» [Ibid.: 268]. Даже когда при Джонсоне иностранные правительства были подробно проинформированы об американских планах бомбардировки Северного Вьетнама, подобные брифинги и консультации с лидерами Конгресса, похоже, никогда не проводились [Ibid.: 334–335].

Во время правления Эйзенхауэра была сформирована Сайгонская военная миссия под командованием полковника Эдварда Лэнсдейла, которой было приказано «проводить воензированные операции и... вести политико-психологическую войну» [Ibid.: 16]. На практике это означало печатать листовки, распространяющие ложь, искусственно приписываемую другой стороне, заливать «загрязняющие вещества в двигатели» автобусной компании Ханоя до того, как французы покинули бы Север, проводить «занятия по английскому языку... для любовниц важных персон» и нанять команду вьетнамских астрологов [Ibid.: 15]. Эта нелепая фаза продолжалась до начала 60-х гг., пока к власти не пришли военные. После администрации Кеннеди доктрина борьбы с повстанцами отошла на второй план, возможно потому, что во время свержения президента Нго Динь Дьема выяснилось, что вьетнамский спецназ, финансируемый ЦРУ, «фактически стал частной армией г-на Нью», брата и политического советника Динь [Ibid.: 166].

Подразделения разведывательных служб, занимающиеся установлением фактов, были отдалены от тех тайных операций, которые проводились на местах, а это означало, что они отвечали лишь за сбор информации, а не за подготовку самих новостей. Им не нужно было показывать позитивные результаты. Вашингтон не оказывал давления и не требовал от них хороших новостей для «подкормки» пиар-машины или сочинения сказок о «продолжающемся прогрессе, ежегодном чудесном улучшении». Они были относительно независимыми и говорили правду из года в год [Op. cit.: 39]. Похоже, что в этих разведывательных службах люди не докладывали «своему начальству то, что, по их мнению, те хотели услышать». Они не сообщали, что «оценки [не] проводились исполнителями», что ни один командир не рассказал своим подчиненным, как «командир американской дивизии сказал одному из своих окружных советников, настаивавшему на том, чтобы информировать о постоянном присутствии неумиротворенных вьетконговских деревень в его районе: «Сынок, ты пишешь наш собственный отчет в этой стране. Почему ты нас подводишь?» [Ellsberg 1971: 262–263; Gelb 1971b: 153]. Более того, сложилось впечатление, что те, кто отвечал за разведывательные сводки, были обособлены от тех, кто решал проблемы, от их пренебрежения фактами и случайным характером всех фактов. Цена, которую они заплатили за эти объективные преимущества, была такова: их доклады не оказывали никакого влияния на решения и предложения Совета национальной безопасности.

После 1963 года единственным заметным следом периода тайной войны является печально известная «стратегия провокаций», то есть целая программа «преднамеренных попыток спровоцировать Д. Р. В. [Демократическую Республику Вьетнам] предпринять действия, на которые затем можно было бы ответить систематической воздушной кампанией США» [The Pentagon Papers: 313]. Эта тактика не относится к военным уловкам. Они были типичными для тайной полиции и стали печально известными, а также контрпродуктивными на закате царской России, когда агенты охранки, организуя эффектные убийства, «невольно служили идеям тех, кого они разоблачали» [Laporte 1935: 25].

III

Разрыв между фактами, которые были установлены разведывательными службами, а иногда и самими «решалами» проблем (в случае Макнамары), и нередко были доступны

информированной публике, и предположениями, теориями и гипотезами, на основании которых были приняты окончательные решения, – является тотальным. Тогда как масштаб неудач и *несчастий* этих лет можно осознать лишь при учёте этого разрыва в целом. В этой связи напомним несколько показательных примеров.

Например, с позиции теории домино, впервые провозглашённой и взятой на вооружение в 1950 году [Sheehan 1971: 6], «важнейшим выводом» на вопрос президента Джонсона в 1964 году «падёт ли остальная Юго-Восточная Азия, если Лаос и Южный Вьетнам окажутся под контролем Северного Вьетнама?», был такой ответ ЦРУ: «За возможным исключением Камбоджи, вполне вероятно, что в результате падения Лаоса и Южного Вьетнама ни одна нация в этом регионе не поддастся коммунизму» [Ibid.: 253–254]. Когда пять лет спустя администрация Никсона поставила тот же вопрос, то «Центральное разведывательное управление рекомендовало, что [Соединённые Штаты] могут немедленно покинуть Южный Вьетнам, и что вся Юго-Восточная Азия останется такой же, как в настоящее время, по крайней мере, ещё на протяжении жизни одного поколения»⁸. Согласно документам Пентагона, «видимо, только Объединённый комитет начальников штабов, мистер [Уолт У.] Ростоу и генерал [Максвелл] Тейлор поняли теорию домино в её буквальном смысле» [Ibid.: 254], но наиболее интересно то, что несогласные с ней по-прежнему использовали теорию домино не только в публичных заявлениях, но и включали в свои личные расчёты.

На утверждение о том, что повстанцы в Южном Вьетнаме «направлялись и поддерживались извне» посредством «коммунистического заговора», от разведывательного сообщества в 1961 году последовала следующая оценка: «80–90 % из примерно 17 000 вьетконговцев были завербованы на месте, и доказательств того, что вьетконговцы полагались на внешние поставки, было недостаточно» [Op. cit: 98]. Три года спустя ситуация оставалась неизменной: анализ разведки в 1964 году показал, что «основными источниками коммунистических сил в Южном Вьетнаме являются местные жители» [Op. cit: 242]. Иными словами, элементарный факт гражданской войны в Южном Вьетнаме не был неизвестен в кругах решателей проблем. Отсюда вытекает вопрос: не предупредил ли сенатор Майк Мэнсфилд Кеннеди ещё в 1962 году о том, что отправка дополнительных военных подкреплений в Южный Вьетнам будет означать, что «американцы будут контролировать борьбу в гражданской войне... [которая] нанесёт ущерб американскому престижу в Азии и не поможет Южному Вьетнаму встать на ноги»? [Ellsberg 1971: 247]

Тем не менее бомбардировки Северного Вьетнама были начаты отчасти потому, что, согласно теории, «революцию можно подавить, отрезав внешние источники поддержки и поставок». Предполагалось, что бомбардировки «сломят волю» Северного Вьетнама к поддержке повстанцев на Юге, хотя сами лица, принимавшие решения (в данном случае Макнотон), имели вполне достаточное представление о местном характере восстания для того, чтобы сомневаться в том, что Вьетконг «подчинится падению» Северного Вьетнама [Sheehan 1971: 433], в то время как Объединённый комитет начальников штабов не считал, «что эти усилия окажут решающее влияние» на волю Ханоя [Ibid.: 240]. В 1965 году, согласно отчёту Макнамары, члены Совета национальной безопасности согласились с тем, что Северный Вьетнам «вряд ли уйдёт... и что в любом случае они скорее сдадутся из-за провала вьетконговцев на юге, чем из-за «ущерба», нанесённого бомбардировками, на Севере» [Ibid.: 407].

Были в распоряжении также грандиозные стратагемы, вторичные лишь по отношению к теории домино, основанные на убеждении в монолитном коммунистическом мировом заговоре, а также в существовании китайско-советского блока в дополнение к гипотезе о китайском экспансионизме. Идея о необходимости «сдерживания» Китая в 1971 году была

⁸ *The Chicago Sun-Times*, процитированное газетой *The New York Times* в рубрике “The Week in Review” («Неделя в обзоре»), 27 июня 1971 г.

опровергнута президентом Никсоном, но спустя несколько лет Макнамара писал: «Наша цель уже достигнута в той мере, в какой осознанная необходимость подвести черту под китайским экспансионизмом в Азии мотивировала нашу первоначальную интервенцию и наши текущие действия во Вьетнаме» [Ibid.: 583]. Однако всего двумя годами ранее он согласился с тем, что целью Соединённых Штатов в Южном Вьетнаме было «не помогать товарищу, а сдерживать Китай» [Ibid.: 342].

Военные критики осудили эти теории из-за их явного противоречия известным фактам, таким как отсутствие китайско-советского блока, известного всем, кто знаком с историей китайской революции, решительное противодействие этому блоку со стороны Сталина, а также фрагментарный характер коммунистического движения после окончания Второй мировой войны. Некоторые из этих аналитиков пошли дальше и развили собственную теорию: Соединённые Штаты Америки, превратившись в величайшую державу после Второй мировой войны, начали проводить последовательную империалистическую политику, нацеленную на мировое господство. Преимущество этой теории заключалось в том, что она могла объяснить отсутствие национального интереса, но вряд ли могла объяснить безумное настаивание страны на «безрезультатном вливании своих ресурсов в совершенно неподходящее русло», хотя признаком империалистических целей всегда было то, что они не направлялись и не ограничивались национальными интересами и территориальными границами. Об этом в 1965 году осмелился сообщить президенту Джордж Болл, заместитель госсекретаря администрации Джонсона и единственный советник, смело нарушивший табу и посоветовавший немедленно вывести войска [Ibid.: 414].

Конечно, речь не идёт об «ограниченных средствах для достижения амбициозных целей» [Ibid.: 584]. Возникает вопрос: неужели для «сверхдержавы» было трудно добавить еще одну маленькую страну к своему ряду государств-клиентов или одержать победу над «крохотной отсталой нацией»? Это, скорее, невероятный пример использования непомерных средств для достижения второстепенных целей в регионе, представляющем незначительный интерес. Именно это бесспорное впечатление ошибочного действия привело страну к осуждению, «широко и твердо убеждённого в том, что истеблишмент сошёл с ума. Создается впечатление, что мы пытаемся навязать образ США чуждым нациям, которых мы не в состоянии понять... и мы доводим это до абсурда», писал Макнотон в 1967 году [Op. cit: 354–355].

Во всяком случае, документы Пентагона издания *Bantam* не содержат никаких аргументов в поддержку теории грандиозных империалистических стратегем. Зато дважды упоминается важность наземных, морских и воздушных баз, крайне важных для империалистической стратегии: впервые о них упоминает Объединённый комитет начальников штабов, отмечая, что их «возможности в ограниченной войне» были бы «заметно» снижены, если бы «потеря материковой части Юго-Восточной Азии» привела к потере «воздушных, наземных и морских баз» [Op. cit: 153]. Второе упоминание содержится в докладе Макнамары 1964 года, в котором говорится прямо: «Мы *не* требуем, чтобы он [Южный Вьетнам] служил в качестве баз Запада или в качестве члена Западного альянса» [Op. cit: 278]. По сути дела, в тот период единственные публичные заявления американского правительства сводились к воспроизводству и частому повторению истины почти евангелической давности о том, что оно не стремилось к любым территориальным выгодам или материальным прибылям, хотя эти утверждения были гораздо менее правдоподобны, чем понятие связей с общественностью.

Это не значит, что после краха старых колониальных держав исключалась возможность настоящей глобальной политики США с империалистическим подтекстом. Как правило, документы Пентагона не содержат никаких сенсаций – они сообщают об инциденте, больше похожем на слух, который, тем не менее, отражает, насколько велики были шансы глобальной политики, проигранной ради имиджа в деле создания образов и завоевания человеческих

умов. Так, согласно сообщениям американского дипломата из Ханоя, в 1945 и 1946 годах Хо Ши Мин написал президенту Трумэну несколько писем, в которых просил Соединённые Штаты «поддержать идею независимости Аннама по *примеру Филиппин*, рассмотреть вопрос об Аннаме, и предпринять шаги, необходимые для поддержания мира во всем мире, находящегося под угрозой в результате войны Франции за возвращение Индокитая» [Op. cit: 4, 6]. Это правда. Аналогичные письма были направлены и в другие страны (Китай, Россию и Великобританию), однако ни одна из них в тот момент не была в состоянии предоставить запрашиваемую защиту, благодаря которой Индокитай оказался бы в таком же полуавтономном положении, как и другие государства-клиенты этой страны. Второй не менее поразительный инцидент, упомянутый, кажется, газетой *Washington Post*, был зафиксирован в документах «*Специальные серии Китая*», выпущенных Государственным департаментом в августе 1969 года, но ставшими достоянием общественности лишь после того, как о них сообщил Теренс Смит в *The New York Times*. Как стало известно, Мао и Чжоу Эньлай тоже обращались к президенту Рузвельту в январе 1945 года, «пытаясь установить отношения с Соединёнными Штатами, ради того чтобы *избежать полной зависимости от Советского Союза*». Похоже на то, что Хо Ши Мин так и не получил ответа, а информация о китайском письме была засекречена, поскольку, как заметил профессор Аллен Уайтинг, она противоречила «образу монолитного коммунизма, направляемого из Москвы»⁹.

Безусловно, принимавшие решение лица знали о докладах разведки, но, как оказалось, эту фактическую информацию они вынуждены были систематически стирать из памяти. Правда, вполне возможно, что они не знали указанных более ранних документов, способных опровергнуть все их предположения, прежде чем они переросли бы в полноценную теорию и привели страну к поражению. На это указывают некоторые странные обстоятельства, сопровождавшие спорадическое и неожиданное рассекречивание сверхсекретных документов. Поразительно, что документы Пентагона подготавливались годами, в то время как люди в Белом доме, в Государственном департаменте и в Министерстве обороны явно их игнорировали. Не менее удивительно, что после завершения исследования, когда копии были разосланы по всем направлениям правительственной бюрократии, Белый дом и Государственный департамент не смогли даже найти места для размещения сорока семи томов. Все это ясно указывает на то, что те, кто должен был быть наиболее обеспокоен содержанием исследования, никогда его не открывали.

Это проливает свет на одну из самых серьёзных угроз сверхсекретности: не только обычные люди и избранные ими представители лишены доступа к тому, что они обязаны знать для формирования мнения и принятия решений, но и сами акторы, имеющие доступ ко всем соответствующим засекреченным фактам, остаются в блаженном неведении о них. И это происходит не потому, что некая невидимая рука намеренно вводит их в заблуждение, а потому, что они работают в таких условиях и с таким складом ума, которые не дают им ни времени, ни желания искать нужные факты в кипе документов, 99,5% из которых не подлежат классификации, и большинство из которых лишено всякого практического смысла. Даже после того, как пресса предала гласности небольшую часть этих секретных материалов, а члены Конгресса получили все тома исследования, не похоже, чтобы те, кому больше всего была нужна эта информация, читали или прочли бы её когда-либо. В любом случае помимо самих составителей, «люди, прочитавшие эти документы в *The Times*, были первыми, кто

⁹ Мистер Смит цитирует утверждения профессора Уайтинга перед Комитетом Сената по иностранным делам относительно документа, опубликованного в «Международных отношениях Соединённых Штатов: Дипломатические документы 1945 г.» – Том 7: Дальний Восток: Китай. – Вашингтон: государственная типография, 1969. – 209 с.

с ними ознакомился»¹⁰. Возникает мысль, что правительству необходима государственная тайна (*arcana imperii*), чтобы функционировать надлежащим образом.

Если государственные тайны настолько затуманили умы самих акторов, что они уже не знают и не помнят истины, которая скрыта за их секретами и ложью, то независимо от того, насколько хорошо организованы их «долговременные информационные кампании» (по словам Дина Раска), и насколько изощённой будет их хитрость, все действие лжи исчезнет или станет контрпродуктивным, то есть смутит людей, нисколько их не убедив. Проблема лжи и обмана заключается в том, что их эффективность целиком зависит от представления истины во всей её полноте, которую хотят скрыть лжец и обманщик. В этом смысле истина, даже если она не господствует публично, обладает неискоренимым превосходством над любой ложью.

В случае войны во Вьетнаме мы сталкиваемся (помимо лжи и путаницы) с поистине поразительным и совершенно искренним незнанием исторически важной подоплёки событий: мало того, что лица, принимающие решения, совершенно не знали всех общеизвестных фактов Китайской революции и предшествовавшем ей десятилетнем расколе между Москвой и Пекином, таким же образом «никто на вершине власти не знал и не считал достойным внимания тот факт, что вьетнамцы сражались с иностранными захватчиками на протяжении почти 2000 лет» [Stavins, Barnet, Raskin 1971: 246] или что представление о Вьетнаме как о «крохотной отсталой нации», не проявляющей интереса к «цивилизованным» нациям, которое, к сожалению, часто разделяется критиками войны, находится в вопиющем противоречии с очень древней и высокоразвитой культурой региона. Вьетнаму не хватает не «культуры», а стратегической важности (как говорилось в служебной записке Объединённого комитета начальников штабов в 1954 году, в Индокитае «отсутствуют решающие военные цели») [Sheehan 1971: 2], подходящего поля действия для современных автоматизированных армий и удобных целей для военно-воздушных сил. То, что привело к катастрофическому поражению американской политики и вооружённой интервенции, действительно не было дилеммой («политика «ещё одного шага» – каждый новый шаг всегда сулил успех, *обещанный* предыдущим *последним шагом*, но, который по необъяснимым причинам, не был сделан» (так процитировал Даниэль Эллсберг Артура Шлезингера младшего и справедливо осудил это понятие как «миф») [Ellsberg 1971: 219], а было сознательным, преднамеренным игнорированием всех исторических, политических, географических фактов на протяжении более двадцати пяти лет.

IV

Если модель болотной трясины является мифом, и невозможно найти обнаружить хоть какие-то значительные империалистические стратагемы или отсутствует стремление к захвату мира, не говоря уже об интересе к захвату территорий, желании получить экономическую выгоду или, в крайнем случае, не интересуется забота о национальной безопасности; если читатель не желает довольствоваться столь общими представлениями, как «греческая трагедия» (которую предложили Макс Франкель и Лесли Х. Гелб) или легендами о предательстве, которые всегда полезны для поджигателей войны, потерпевших поражение, то только в указанных случаях поставленный Эллсбергом вопрос («*Как они могли?*» [Ibid.: 235]), а не обман и ложь как таковые станут главной темой этой мрачной истории. Поскольку истина действительно состоит в том, что после окончания Второй мировой войны Соединённые Штаты стали самой богатой и доминирующей силой мира, однако спустя всего четверть века метафора

¹⁰ Заметка журналиста Тома Векера в *The New York Times* (8 июля 1971 г.).

Никсона о «жалком, беспомощном великане» превратилась в наиболее подходящее описание этой «самой могущественной страны на земле».

Будучи не в состоянии за шесть лет открытой войны победить маленькую нацию с «превосходством в огневой мощи 1000 к 1» [Stavins, Barnet, Raskin 1971: 248], решить свои внутренние проблемы и остановить стремительный упадок своих мегаполисов, потратив ресурсы до такого уровня, что инфляция и девальвация валюты стали угрожать международной торговле и уровню жизни внутри страны, – страна оказалась перед риском потерять гораздо больше, чем претензию на мировое лидерство. И даже если вообразить будущие оценки историков, которые смогут рассмотреть это развитие событий в контексте истории всего двадцатого века, когда побеждённые в двух мировых войнах нации сумели одержать верх в соперничестве с победителями (главным образом потому, что победители на протяжении длительного периода принудили их отказаться от невероятной расточительности расходов на вооружение и военных расходов), то по-прежнему непросто смириться с объёмом усилий, вложенных в демонстрацию бессилия величия, хотя столь неожиданная масштабная реанимация победы Давида над Голиафом тоже может быть достойна одобрения.

Первое объяснение, которое приходит на ум при ответе на вопрос «Как они могли?», прежде всего указывает на взаимосвязь обмана и самообмана. В конкуренции между публичными заявлениями, всегда слишком оптимистичными, и достоверными докладами разведывательного сообщества, хотя всегда мрачными и зловещими, публичные заявления могли одержать верх просто потому, что они были публичными. Значительное преимущество общеизвестных и общепринятых суждений над теми, которые может тайно знать или считать истиной человек, прекрасно иллюстрируется средневековым анекдотом, согласно которому часовой, на которого была возложена обязанность наблюдать и предупреждать жителей города о приближении врага, ради шутки дал сигнал ложной тревоги, а в итоге он оказался последним из тех, кто бросился на стены для защиты города от вымышленных им врагов. Отсюда можно заключить, что чем успешнее лжец, тем большее число людей ему удаётся убедить в собственной лжи, и тем более вероятно, что он сам, в конечном счёте, поверит в собственную ложь.

В документах Пентагона мы сталкиваемся с людьми, которые делали все возможное ради победы над сознанием людей, то есть ради манипуляции ими. Но поскольку они действовали в свободной стране с доступом к любому виду информации, то им так и не удалось преуспеть в этом. По причине собственного относительно высокого статуса и положения в правительстве, несмотря на их привилегии в знании «государственных тайн», они были лучше ограждены от общедоступной информации, представляющей более или менее истину о фактах, по сравнению с теми, кого они пытались убедить, и кого они, по всей видимости, воспринимали как обычные аудитории, «молчаливые большинства», которые были обязаны просматривать постановки сценаристов. Тот факт, что в документах Пентагона невозможно обнаружить никаких интересных новостей, свидетельствует о неспособности лжецов сформировать достойную аудиторию, ряды которой они могли бы пополнить сами.

Тем самым не вызывает сомнений наличие процесса «внутреннего самообмана» [Op. cit: 263], как обозначил его Элсберг. Он больше смахивает на обращение вспять обычного процесса самообмана, чем на завершение обмана самообманом. Обманщики начинают с самообмана. Скорее всего, благодаря своему высокому положению и поразительной самоуверенности они были настолько уверены в сокрушительном успехе не на поле боя, а на арене связей с общественностью, и в такой степени уверены в рациональности собственных психологических предположений о неограниченных возможностях манипуляции людьми, что *предвкушали* всеобщую веру и собственную победу в битве за умы людей. Но поскольку

они жили в дефактуализированном мире, им было нетрудно не обращать большого внимания на тот факт, что их аудитория отказалась им слепо верить.

Внутренний мир правительства с его бюрократией, с одной стороны, и общественной жизнью, с другой, обеспечил относительную лёгкость самообмана. Ни одна башня из слоновой кости учёных не подготовила столь хорошо умы к игнорированию фактов жизни, как это сделали различные аналитические центры для решал проблем, а репутация Белого дома – для советников президента. Именно в такой атмосфере, когда действительного поражения боялись меньше, чем признания в поражении, были сфабрикованы вводящие в заблуждение заявления о катастрофах Тетского наступления и камбоджийского вторжения. Но ещё более важно то, что истина о таких решающих вопросах могла успешно скрываться во внутренних кругах правительства и больше нигде именно тревогами о том, как бы не оказаться «первым американским президентом, проигравшим войну», и постоянной поглощённостью предстоящими выборами.

Что касается сферы решения проблем, то в отличие от сферы управления связями с общественностью, самообман, даже «внутренний самообман», не является удовлетворительным ответом на вопрос «Как они могли?». Самообман по-прежнему предполагает проведение различия между истиной и ложью, между фактом и фантазией и, следовательно, определяется конфликтом между реальным миром и самозванным обманщиком, растворяющимся в полностью дефактуализированном мире. Вашингтон и его разрастающаяся правительственная бюрократия, а также различные аналитические центры в стране обеспечивают «решал» проблем естественной средой обитания для их ума и тела. В сфере политики, в которой секретность и преднамеренный обман всегда играли значительную роль, самообман наиболее опасен; обманщик теряет всякую связь не только со своей аудиторией, но и с реальным миром, который все равно его догонит, потому что обманщик может исключить из мира свой разум, но не собственное тело. «Решалам» проблем, которые знали все факты, регулярно представляемые им в докладах разведывательного сообщества, приходилось полагаться только на свои общие методы, на различные способы перевода качества и содержания в количественные и цифровые показатели. С их помощью можно было рассчитывать результаты, которые, на удивление, всегда оказывались ложными для игнорирования изо дня в день того, что они знали на самом деле. Причина, по которой такая система могла работать на протяжении стольких лет, заключается именно в том, что «цели, преследуемые правительством Соединённых Штатов, были почти исключительно психологическими» [Stavins, Barnet, Raskin 1971: 209], то есть вопросами ума.

При чтении служебных записок, оценок и сценариев того, как приписываются доли процентов потенциальным рискам и доходам от предполагаемых действий («слишком много рисков при слишком малом доходе» [Sheehan 1971: 576]), иногда возникает впечатление, что свободу действия в Юго-Восточной Азии предоставили не лицам, принимающим решения, а счетным машинам. «Решалы» проблем не *оценивали*, они рассчитывали. Среди множества ошибочных суждений их самоуверенность не нуждалась даже в самообмане, поскольку опиралась на свидетельство математической, чисто рациональной истины, но эта «истина» не имела никакого отношения к рассматриваемой «проблеме». Например, если можно рассчитать, что исходом определенного действия «не с большей, а с меньшей вероятностью будет всеобщая война» [Op. cit: 575], то это не значит, что её следует предпочесть даже при соотношении 80/20 по причине чудовищности и *невозможного для учёта качества* риска. Это верно и в том случае, когда шансы на реформы в правительстве Сайгона по сравнению с «шансом, что мы закончим с таким же результатом, как закончили её французы в 1954 году», составляют 70/30 [Op. cit: 98]. Это хороший шанс для игрока, но не для государственного дея-

теля¹¹. Игроку лучше известно, что на самом деле в повседневной жизни будут означать для него выигрыш или проигрыш. Проигрыш может означать полное разорение и получение хотя и долгожданного, но несущественного улучшения его финансовых дел. Только в том случае, если на карту не поставлено ничего стоящего, – чуть большая или меньшая сумма денег вряд ли существенно изменит что-то в уровне жизни – игрок может смело полагаться на игру в проценты. Проблема американского ведения войны в Южном Вьетнаме заключалась в том, что такого контроля, с учётом реальности как таковой, никогда не существовало ни в головах лиц, принимающих решения, ни в умах лиц, решающих проблемы.

Верно то, что американская политика не преследовала никаких реальных целей (хороших или плохих), которые могли бы ограничить и контролировать чистую фантазию. «Во Вьетнаме не преследовались ни территориальные, ни экономические выгоды. Вся цель огромного и дорогостоящего действия состояла в том, чтобы создать особое состояние умов» [Stavins, Barnet, Raskin 1971: 209]. И причину столь непомерной растраты дорогостоящих средств в плане материальных ресурсов и человеческих жизней на подобные цели, неуместные с политической точки зрения, следует искать не только в досадном сверхбогатстве Соединённых Штатов, но и в их неспособности понять, что даже власть великой державы имеет пределы. За фоном повторяющегося клише «самой могущественной страны на земле» скрывался опасный миф всемогущества.

Эйзенхауэр был последним президентом из тех, кто знал, что ему придётся запросить «полномочия Конгресса на ввод американских войск в Индокитай». Точно так же и его администрация была последней, которая осознала, что «распределение более чем символических вооружённых сил США в этом районе будет серьёзным отвлекающим манёвром для *ограниченных* возможностей США» [Sheehan 1971: 5, 13]. Несмотря на все более поздние расчёты определённых действий с точки зрения «издержек, прибыли и риска», осуществляющие эти действия «бухгалтеры» не имели ни малейшего представления о каких-либо ограничениях непсихологической природы. Для них пределами были умы людей с точки зрения того, сколько они смогут выдержать смертей американцев, общая численность которых не должна была превышать, к примеру, числа погибших в результате дорожно-транспортных происшествий. Но им, видимо, никогда не приходила в голову мысль об ограниченности ресурсов, которые казались беспредельными.

Это смертоносное сочетание «высокомерия власти» – погони за примитивным образом всемогущества, которое отличается от цели завоевания мира, достижимой с помощью небывалых неограниченных ресурсов, – с высокомерием ума, совершенно иррациональной уверенностью в количественной исчислимости реальности, становится лейтмотивом процессов, связанных с принятием решений с момента начала эскалации в 1964 году. Впрочем, это не значит, что строгие методы дефактуализации решал проблем являются основанием этого безжалостного шага к саморазрушению...

«Решалы» проблем, потерявшие рассудок по причине своего доверия к способностям собственного мозга рассчитывать в ущерб его способности осваивать опыт и извлекать из него уроки, отставали от идеологов времён холодной войны. Антикоммунизм – это послевоенная всеобъемлющая идеология, а не старая, нередко предвзятая враждебность Америки по отношению к социализму и коммунизму, столь прочная в 20-е годы и служившая опорой республиканской партии при администрации Рузвельта, – изначально был изобретением ума бывших коммунистов, которым нужна была новая идеология для объяснения и предсказания хода истории. Эта идеология лежала в основе всех «теорий» в Вашингтоне после конца Вто-

¹¹ Лесли Х. Гелб со всей серьёзностью предполагает, что менталитет «американских лидеров» был сформирован на основе той идеи, что «их собственные карьеры – это серии успешных азартных игр; они надеялись, что каким-то образом смогут снова повернуть это во Вьетнаме» [Gelb 1971a: 34–36].

рой мировой войны. Полное незнание множества важных фактов и преднамеренное пренебрежение к послевоенным событиям стали отличительной чертой устоявшейся доктрины внутри истеблишмента. Его члены не нуждались в фактах и информации; у них была «теория», и все данные, которые ей не соответствовали, отвергались или игнорировались.

Методы этого старшего поколения – методы мистера Раска отличны от методов мистера Макнамары – были менее сложными и менее рациональными по сравнению с методами «решал» проблем, но не менее эффективными для защиты людей от воздействия реальности и разрушения способности ума к суждениям и обучению. Эти люди гордились тем, что они извлекли уроки из прошлого – господства Сталина над всеми коммунистическими партиями – отсюда и понятие «монолитного коммунизма», а также из развязывания Гитлером мировой войны после Мюнхена, после чего был сделан вывод, что каждый жест примирения есть «второй Мюнхен». Они не могли противостоять реальности, потому что всегда проводили в уме некоторые параллели, «помогающие» им понять эти термины. Когда Джонсон, все ещё будучи вице-президентом Кеннеди, вернулся из инспекционной поездки по Южному Вьетнаму и радостно сообщил, что Нго Динь Зьем – это «Черчилль Азии», можно было подумать, что игра в параллелизм отомрёт по причине абсолютной абсурдности, но этого не случилось. Нельзя также сказать, что левые критики войны мыслили иначе. Эта группа экстремистов была склонна превращать все, что им не нравилось, в «фашистов» или «нацистов», зачастую справедливо, и называть любую резню геноцидом, чего, разумеется, не было и в помине. Она могла лишь способствовать формированию менталитета, вполне готового мириться с резней и другими военными преступлениями при условии, что они не были геноцидом.

На удивление «решалы» проблем были свободны от грехов идеологов. Они верили в методы, но не в «мировоззрения» – причина, по которой им можно было доверить «свести воедино документальные записи Пентагона об американском участии» [Ibid.: xx] так, чтоб они были одновременно «и энциклопедическими, и объективными» [Ibid.: xviii]. Несмотря на то, что у них отсутствовала вера в такие общепринятые обоснования политики, как теория домино, эти обоснования в единстве с различными методами дефактуализации создавали атмосферу и фон, в которых затем приступали к работе специалисты по решению проблем. В итоге им удалось уговорить «хладнокровных» воинов, чьи умы, как оказалось, стали особенно хорошо подготовлены к абстрактным играм, в которые им предлагалось поиграть.

То, как действовали предоставленные самим себе «хладнокровные воины», хорошо иллюстрируется одной из «теорий» Уолта Ростоу, «доминирующего интеллектуала» в администрации Джонсона. Именно «теория» Ростоу стала одним из главных аргументов в пользу решения бомбить Вьетнам вопреки совету «тогдашних авторитетных системных аналитиков Макнамары в Министерстве обороны». Видимо, его теория опиралась на точку зрения Бернарда Фолла, одного из самых проникательных наблюдателей и наиболее информированных военных критиков: «Хо Ши Мин мог бы отказаться от войны на Юге, если бы мишенью стали некоторые из его новых промышленных предприятий» [Stavins, Barnet, Raskin 1971: 212]. Эта была гипотеза, – то-есть реальная возможность, которую нужно было либо подтвердить, либо опровергнуть. Но ей не повезло тем, что она хорошо вписалась в теорию Ростоу о партизанской войне, превратившись в «факт»: у президента Хо Ши Мина «есть промышленный комплекс, который нужно защищать; он больше не партизанский боец, которому нечего терять» [Sheehan 1971: 241]. В ретроспективе в глазах аналитика это выглядит как «колоссальное заблуждение», однако «просчёт» мог оказаться «колоссальным» лишь потому, что никто не хотел его вовремя исправить [Ibid.: 469]. Вскоре выяснилось, что страна недостаточно индустриализирована для того, чтобы страдать от воздушных налётов в условиях *ограниченной* войны, цель которой менялась с годами, но никогда не сводилась к уничтожению врага,

а была направлена на то, чтобы «сломить его волю». Но воля правительства в Ханое, независимо от того, обладали ли северные вьетнамцы тем, что, по мнению Росту, было необходимым качеством партизанского бойца, отказывалась быть «сломленной».

Указанная неспособность проводить различие между правдоподобной гипотезой и фактом, который должен ее подтвердить, то есть обращение с гипотезами и простыми «теориями» как с установленными фактами, которое стало эндемичным в психологических и социальных науках в рассматриваемый период, лишена всей строгости методов, используемых теоретиками игр и системными аналитиками. Однако источник того и другого, а именно неспособности использовать опыт и извлекать уроки из реальности, один и тот же.

Это подводит нас к сути дела, которая хотя бы частично может содержать ответ на вопрос: как они могли не только начать проведение такой политики, но и довести её до горького и абсурдного конца? Дефактуализация и решение проблем приветствовались, поскольку игнорирование реальности было неотъемлемой частью самих стратегий и целей. Что же им на самом деле нужно было знать об Индокитае, когда он был не более чем «частным случаем» или домино или средством «сдерживания Китая» или доказательством того, что мы и *есть* самая могущественная из сверхдержав? Или возьмём случай бомбардировки Северного Вьетнама со скрытой целью поднять моральный дух в Южном Вьетнаме [Op. cit.: 312], без особого намерения одержать явную победу и положить конец войне. Как они могли быть заинтересованы в чем-то столь же реальном, как победа, если продолжали войну не ради территориальной или экономической выгоды, и не для помощи другу или выполнения обязательств, и даже не ради объективной реальности, отличной от имиджа?

Когда эта стадия игры была достигнута, то первоначальное предположение о том, что мы несколько не должны думать ни о регионе, ни о целой стране – отличительная черта теории домино – сменилась на установку «не обращать внимания на врага». И это в разгар войны! В результате враг, бедный, обиженный и страдающий, становился сильнее, а «самая могучая страна» слабела с каждым годом. Есть историки, которые утверждают, что Трумэн сбросил бомбу на Хиросиму, чтобы отпугнуть русских от Восточной Европы (об исходе чего нам хорошо известно). Если это правда (а это вполне может быть правдой), то мы можем проследить истоки игнорирования фактических последствий действий в пользу некой скрытой расчётливой цели вплоть до рокового военного преступления, положившего конец последней мировой войне. Как отметил Лесли Х. Гелб, доктрина Трумэна «отражала мир, переполненный «домино».

V

В начале проведённого анализа была сделана попытка предположить, что аспекты, отражённые в документах Пентагона – обман, самообман, имиджмейкинг, идеологизация и дефактуализация – ни в коем случае не единственные в своём роде, которые заслуживают внимания с точки зрения осуществлённого анализа и изучения. Например, известны следующие факты: массовые и систематические усилия самоанализа были предприняты одним из главных акторов; для составления документов и анализа требовалось найти 36 человек, большинство из которых «помогли разработать или реализовать стратегии, требовавшие их оценок» [Op. cit.: xviii]; когда стало очевидно, что никто в правительстве не желает использовать выводы документов или даже прочитать их, один из авторов обратился к публике и слил их в прессу; наконец, самые авторитетные газеты страны осмелились довести эти материалы – документы с грифом «совершенно секретно» – до сведения как можно более широкого круга читателей. Нил Шиэн справедливо отметил, что решение Роберта Макнамары выяснить, что же и почему пошло не так, «может оказаться одним из самых важных решений за

семь лет его работы в Пентагоне» [Op. cit: ix]. Это, конечно, восстановило, хотя бы на момент, репутацию страны в мире. То, что случилось, вряд ли могло произойти где-либо ещё. Как будто все эти люди, вовлечённые в несправедливую войну и справедливо скомпрометированные ею, вдруг вспомнили, что они в долгу перед своими предками за «достойный уважения учёт мнений всего человечества».

Однако требует дальнейшего тщательного и подробного изучения неоднократно комментируемый факт того, в документах Пентагона не содержалось никаких особо важных секретов, недоступных рядовому читателю ежедневных и еженедельных изданий. В «Истории процесса принятия решений США по политике во Вьетнаме» тоже нет никаких аргументов за или против, которые бы не обсуждалась в журналах, телешоу и радиопередачах на протяжении многих лет. (Неизвестными оставались лишь позиции отдельных лиц и их изменения, а также различные мнения членов разведывательного сообщества по основным вопросам). Тот факт, что на протяжении многих лет общественность имела доступ к материалам, которые правительство тщетно пыталось от неё скрыть, свидетельствует о честности и силе прессы даже в большей степени ещё более решающей, чем смелость *The New Times* предать огласке эту историю. То, что ранее часто высказывалось, ныне твердо установлено: до тех пор, пока пресса свободна и не коррумпирована, она выполняет чрезвычайно важную функцию и может по праву называться четвёртой ветвью власти. Достаточно ли Первой поправки для защиты этой важнейшей политической свободы, – права на точную информацию о фактах, без которой всякая свобода мнений становится жестокой мистификацией, – уже другой вопрос.

Другой урок предназначен для тех, кто считал, что США начали проводить империалистическую политику, что они совершенно забыли свои прежние антиколониальные настроения и, возможно, преуспели в установлении того Pax Americana, который осудил президент Кеннеди. Каковы бы ни были достоинства этих подозрений, они вполне могут быть оправданы политикой в Латинской Америке: Соединённые Штаты по сравнению с любой другой великой державой будут менее способны успешно использовать необъявленные малые войны (агрессивные локальные операции на чужих землях) как необходимое средство для достижения империалистических целей. Ибо если деморализация американских войск к тому времени достигла беспрецедентных масштабов (по данным *Der Spiegel*, за последний год было 89 088 дезертиров, 100 человек, отказавшихся от военной службы по соображениям совести, и более десяти тысяч наркоманов¹²), то процесс распада армии начался гораздо раньше и предшествовал аналогичным событиям во время Корейской войны [Kinkead 1957]. Достаточно просто побеседовать с некоторыми ветеранами этой войны или прочитать трезвый и показательный отчёт Даниэля Ланга в *The New Yorker* [Lang 1971] о динамике вполне типичного случая, чтобы понять: для проведения авантюристической и агрессивной стратегии достижения успеха в стране (Вьетнаме) должны были произойти решительные изменения в «национальном характере» американского народа. Тот же самый вывод можно сделать и с учётом необычайно сильной, высококвалифицированной и хорошо организованной оппозиции, которая время от времени возникала внутри страны. Северовьетнамцы, внимательно наблюдавшие за этими событиями на протяжении многих лет, всегда возлагали свои надежды на себя, и, видимо, были правы в своей оценке.

Несомненно, все это может измениться. Но ясно одно: недостаточно робких попыток правительства обойти конституционные гарантии и запугать тех, кто решил не поддаваться запугиванию, кто скорее пойдёт в тюрьму, чем увидит, как его свободы ограничиваются, и, вероятно, их будет недостаточно, чтобы уничтожить Республику. Есть основания надеять-

¹² Эта информация была представлена в 35-м номере журнала *Der Spiegel*, 1971 г.

ся, если вспомнить слова ветерана г-на Ланга, одного из двух с половиной миллионов жителей страны, «что в результате войны страна может восстановить свои лучшие стороны». «Я знаю, что здесь не на что делать ставку... но и ничего другого я не могу предложить» [Ibid.].

Перевод с английского А.Г. Акоюн, редактор В.П. Макаренко

Ellsberg D. 1971. The Quagmire Myth and the Stalemate Machine. – *Public Policy*. – Vol. XIX. – Pp. 262–263.

Gelb L. 1971a. Today's Lessons from the Pentagon Papers. – *Life*. – Pp. 34–36. – Доступно: <https://clck.ru/dUFJd>. – Проверено: 07.02.2022.

Gelb L.H. 1971b. Vietnam; The System Worked. – *Foreign Policy*. – Vol. XIX. – Pp. 140–167.

Hegel G.W.F. 1830. *Vorlesungen über die Philosophie der Weltgeschichte*. – Hamburg: Felix Meiner Verlag.

Kinkead E. 1957. Reporter at Large. The Study of Something New in History. – *The New Yorker*. – Pp. 114–169.

Lang D. 1971. Home again. – *The New Yorker*. – P. 35. – Доступно: <https://www.newyorker.com/magazine/1971/09/04/home-again-7>. – Проверено: 07.02.2022).

Laporte M. 1935. *L'histoire de l'Ohhrana, la police secrète des Tzars 1880-1917*. – Paris: Payot. – 245 p.

Sheehan N. 1971. *The Pentagon Papers: as published by The New York Times*. – Toronto, New York, Bantam Books. – 810 p.

Stavins R., Barnet R.J., Raskin M.G. 1971. *Washington Plans an Aggressive War*. – New York: Random House. – 384 p.